

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Эдгар Райс
Берроуз

ТАРЗАН
НЕУКРОТИМЫЙ
ТАРЗАН ГРОЗНЫЙ
ТАРЗАН И ЗОЛОТОЙ ЛЕВ

ТАБЛИЦА

Тарзан

Эдгар Райс Берроуз

**Тарзан неукротимый. Тарзан
Грозный. Тарзан и Золотой лев**

«Азбука»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Берроуз Э.

Тарзан неукротимый. Тарзан Грозный. Тарзан и Золотой лев /
Э. Берроуз — «Азбука», — (Тарзан)

ISBN 978-5-389-33954-5

Джон Клейтон, лорд Грейсток, пережив немало приключений, вновь обосновался в африканских джунглях. По праву рождения ему была уготована блестящая жизнь наследника одной из самых знатных семей Британии, но волею судеб он появился на свет в Африке и был воспитан племенем больших человекообразных обезьян, где обрел свое второе, грозное имя – Тарзан. В сборник вошли три романа о приключениях Тарзана из племени обезьян, публикуемые в новых переводах: «Тарзан неукротимый» (1920), «Тарзан Грозный» (1921) и «Тарзан и Золотой лев» (1923). Удалившись от цивилизации вглубь Африканского континента, Тарзан и его семья не остаются в стороне от бурных потрясений европейской истории: в их размеренную жизнь врывается Первая мировая война и Тарзан, ведомый чувством долга и стремлением к справедливости, оказывается вовлечен в страшный военный конфликт. Теперь ему предстоит не только сражаться с грозным врагом, но и ценой невероятного напряжения всех своих титанических сил защищать тех, кто ему дорог, то и дело терзаясь неизвестностью об их судьбе...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33954-5

© Берроуз Э.

© Азбука

Содержание

Тарзан неукротимый	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эдгар Райс Берроуз
Тарзан неукротимый. Тарзан
Грозный. Тарзан и Золотой лев
Романы

Edgar Rice Burroughs
TARZAN. THE UNTAMED
TARZAN. THE TERRIBLE
TARZAN AND THE GOLDEN LION

© А. Е. Гурова, перевод, 2026
© Е. А. Королева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Эдгар Райс Берроуз

ТАРЗАН
НЕУКРОТИМЫЙ
♦
ТАРЗАН ГРОЗНЫЙ
♦
ТАРЗАН
И ЗОЛОТОЙ ЛЕВ

Санкт-Петербург

Тарзан неукротимый

Глава 1

Смерть и разорение

Гауптман¹ Фриц Шнайдер устало продирался по темным тропам через мрачный лес. Пот катился по его круглой голове, задерживаясь в тяжелых складках обвисших щек и на бычьем загривке. Его лейтенант вышагивал рядом с ним, тогда как унтер-лейтенант фон Госс замыкал отряд, следуя с кучкой аскари² за измотанными и почти обессиленными носильщиками, которых чернокожие солдаты, по примеру своих белых офицеров, подгоняли острыми концами пштыков и подбитыми металлом прикладами винтовок.

Поблизости от гауптмана Шнайдера носильщиков не было, и потому он срывал свой прусский гнев на ближайших аскари, хотя и с оглядкой: эти чернокожие были вооружены винтовками, и трое белых мужчин находились с ними один на один в самом сердце Африки.

Впереди гауптмана маршировала одна половина его отряда, позади него – другая, благодаря чему немецкий капитан был максимально огражден от опасностей диких джунглей. Во главе колонны, пошатываясь, ковыляли два голых дикаря в ошейниках, соединенных общей цепью. Эти были проводниками из местных, мобилизованными на службу Kultur³, и на их несчастных, покрытых синяками телах Kultur уже оставила свой заметный след в виде кровоподтеков и зияющих ран.

Вот так даже в темные дебри Африки проник свет Германской цивилизации, отразившись на недостойных дикарях, в то же самое время – осенью 1914 года, – когда он пролился блистательным потоком на погруженную во мрак невежества Бельгию.

Истинная правда, что проводники завели отряд бог знает куда, но таковы уж по большей части все африканские проводники. И неважно, что причиной их оплошности стало чистое невежество, а не злой умысел. Гауптману Фрицу Шнайдеру было достаточно знать, что он заблудился в африканских джунглях и в его власти человеческие существа слабее его, которых он может подвергать пыткам. Он не убил их сразу отчасти из смутной надежды, что в конце концов они найдут способ вытащить его из этой передраги, отчасти из понимания, что, пока они живы, их можно будет терзать и дальше.

Несчастные, надеясь на случай, который поможет им выбраться на верный путь, твердили, что знают дорогу, и продолжали вести отряд через угрюмый лес по извилистой звериной тропе, как следует натопанной бесчисленными поколениями диких обитателей джунглей.

По этой тропе Тантор, слон, проделывал свой долгий путь от пылевых ванн до водопоя. Буто-носорог, подслеповато ковыляя, проходил в гордом одиночестве, а по ночам большие кошки беззвучно проносились на мягких лапах под плотным пологом высоких древесных крон в сторону широкой равнины за лесом, где была самая лучшая охота.

И на краю этой самой равнины, внезапно и неожиданно представшей перед глазами проводников, их скорбные сердца забились с новой надеждой. У гауптмана вырвался долгий вздох облегчения, потому что после стольких дней безнадежных блужданий по непроходимым джунглям открывшийся вид на широкие поля колыхавшейся травы с россыпями похожих на парки

¹ Соответствует капитанскому званию. – *Здесь и далее примеч. переводчика, если не указано иное.*

² Арабское слово, означающее «солдат», им называли войска, набранные из местных африканских племен, для службы в армиях европейских колониальных держав.

³ Культура (*нем.*). «Манифест девяноста трех» – открытое письмо «К культурному миру!» 1914 года, написанное группой немецких интеллектуалов в поддержку действий Германии накануне Первой мировой войны.

рощиц и извилистую зеленую линию кустов, обозначавших берег реки, показался европейцу поистине райским.

Пруссак даже заулыбался от облегчения и, перебросившись с лейтенантом парой бодрых слов, принялся рассматривать широкую равнину в полевой бинокль. Он водил им из стороны в сторону над колыхавшейся травой, пока наконец не замер, нацелившись примерно на середину пейзажа неподалеку от намеченной зелеными контурами кустов реки.

– Повезло нам, – сообщил Шнайдер своим спутникам. – Видите?

Лейтенант, который тоже изучал равнину в бинокль, наконец нашел ту же точку, которая привлекла внимание его командира.

– Да, – подтвердил он, – английская ферма. Должно быть, ферма Грейстока, потому что другой такой нет в этой части Британской Восточной Африки. Бог на нашей стороне, герр капитан.

– Мы отыскали эту английскую скотину задолго до того, как он успел узнать, что его страна воюет с нашей, – отозвался Шнайдер. – Так пусть будет первым, кто ошутит на себе железную хватку Германии.

– Будем надеяться, что он дома, – сказал лейтенант, – и мы сможем прихватить его с собой, когда отправимся с докладом к Крауту в Найроби. В самом деле, вот будет славно, если герр гауптман Фриц Шнайдер притащит знаменитого Тарзана из племени обезьян в качестве военнопленного.

Шнайдер заулыбался и выкатил грудь колесом.

– Ты прав, дружище, – сказал он, – это будет славно для нас обоих, однако придется проделать немалый путь, чтобы перехватить генерала Краута где-нибудь по дороге в Момбасу. Эти английские скоты с их жалкой армией мигом откатятся к Индийскому океану.

Воспрянув духом, небольшой отряд двинулся по зеленой равнине к аккуратным и ухоженным постройкам фермы Джона Клейтона, лорда Грейстока, однако их ждало разочарование, поскольку ни Тарзана из племени обезьян, ни его сына не оказалось дома.

Леди Джейн, не подозревавшая о том, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны, встретила офицеров со всевозможным гостеприимством и распорядилась через своего доверенного из племени вазири накормить чернокожих солдат врага.

Далеко на востоке Тарзан из племени обезьян стремительно двигался от Найроби к своей ферме. В Найроби он узнал новости о мировой войне, которая уже началась, и, предчувствуя незамедлительное вторжение немцев в Британскую Восточную Африку, спешил в сторону дома, чтобы отправить жену в более безопасное место. Вместе с ним было двадцать его воинов с кожей цвета эбенового дерева, однако по меркам человека-обезьяны эти крепкие и закаленные жители джунглей двигались слишком медленно.

Когда того требовали обстоятельства, Тарзан из племени обезьян сбрасывал с себя тонкий налет цивилизации, а вместе с ней и ее символ – сковывавшую движения одежду. Моментально лощеный английский джентльмен превращался в голого человека-обезьяну.

Его подруга в опасности. В данный момент эта мысль заслоняла собой все остальные. Он не думал о ней как о леди Джейн Грейсток, она была та самка, которую он завоевал силой стальных мышц и которую обязан оберегать с помощью все того же грозного оружия.

Сейчас вовсе не член палаты лордов с угрюмым видом стремительно перекидывал тело с ветки на ветку в густом лесу или неутомимыми ногами преодолевал широкие открытые участки равнины – то был огромный самец обезьяны, сосредоточенный на одной цели, исключавшей всякие мысли об усталости или опасности.

Ману, маленькая обезьянка из числа тех, что во множестве бранились и болтали на верхних ярусах тропического леса, заметил его приближение. Много времени прошло с тех пор, когда он видел, как великий тармангани, голый и одинокий, шумно проносится через джунгли.

Седой и бородатый был этот Ману, маленькая обезьянка, и в его потускневших старческих глазах загорелся огонек воспоминаний о тех днях, когда Тарзан из племени обезьян, Повелитель Джунглей, царил над мириадами жизней, которые продирались сквозь спутанный подлесок между стволами громадных деревьев, летели, раскачивались на ветвях или поднимались сквозь листву все выше, на самые безопасные верхние ярусы растительной крепости.

И Нума, который устроился на дневной отдых неподалеку от места удачной охоты, выдавшейся накануне ночью, моргнул желтыми с прозеленью глазами и дернул рыжеватым хвостом, уловив в воздухе запах старинного врага.

Однако и Тарзан, стремительно проносясь на запад, ощущал присутствие Нумы, и присутствие Ману, и любого из многочисленных зверей в джунглях. Его краткое пребывание в английском обществе нисколько не притупило его поразительно обостренные чувства. Его нос уловил присутствие Нумы-льва еще раньше, чем величественный царь зверей ощутил его приближение.

Он услышал шумного маленького Ману и даже мягкий шорох разомкнувшегося кустарника там, где прошел Шита, раньше, чем кто-то из этих осторожных животных почувал его самого.

Но какими бы острыми ни были чувства человека-обезьяны, какими бы могучими ни были его мышцы, как бы стремительно ни несся он по дикой земле, усыновившей его когда-то, он все равно оставался простым смертным. Время и пространство непреклонно налагали на него свои ограничения, и никто не признавал эту истину так же ясно, как сам Тарзан. Как же он негодовал и терзался, что не может двигаться со скоростью мысли, что длинные изнуряющие мили, протянувшиеся перед ним, потребуют еще многих и многих часов и неустанных усилий с его стороны, прежде чем он соскользнет с последней ветки на опушке леса в открытое пространство и увидит цель своего пути.

Путешествие заняло не один день, хотя он останавливался на сон и отдых всего на несколько часов и полагался лишь на случайность в поиске пищи прямо по дороге. Если в минуты голода ему ненароком попадалась Ваппи-антилопа или Хорта-кабан, он ел, задерживаясь лишь, чтобы убить и отрезать для себя кусок мяса.

Наконец долгое путешествие подходило к концу, он преодолевал уже последние ярды густого леса, защищавшего его владения с востока, а затем и лес остался позади, и вот он уже стоял на краю равнины, глядя через широкое поле на свой дом.

И при первом же взгляде глаза его сощурились, а мышцы напряглись. Даже с такого расстояния он увидел, что чего-то не хватает. Тонкий завиток дыма поднимался справа от бунгало, где когда-то стояли амбары, только теперь никаких амбаров там не было, а вот над трубой бунгало, где должен был бы виться дымок, не вилось ничего.

И снова Тарзан из племени обезьян сорвался с места, на этот раз еще стремительнее прежнего, потому что теперь его подгонял безымянный страх, порожденный скорее интуицией, чем рассудком. Как и животные, Тарзан из племени обезьян, похоже, обладал каким-то шестым чувством. Задолго до того, как он добежал до бунгало, он едва ли не в подробностях вообразил ту сцену, которая в итоге предстала перед ним воочию.

Тихим и пустынным был увитый лозами домик. Дымящиеся головешки обозначали место, где стояли недавно его великолепные амбары. Исчезли крытые соломой хижины его верных слуг, опустели поля, пастбища и загоны для скота. Стервятники время от времени поднимались и кружили над телами людей и животных.

Охваченный чувством, похожим на ужас, которого он не испытывал никогда в жизни, человек-обезьяна наконец заставил себя войти в дом. И от первого, что он увидел, алая дымка ненависти и жадности крови заволокла глаза, потому что там, распятого на стене гостиной, он увидел великана Васимбу, сына верного Мувиру, который уже больше года был личным охранником леди Джейн.

Перевернутая и сломанная мебель в комнате, бурые лужи засохшей крови на полу, кровавые отпечатки ладоней на стенах и деревянных панелях говорили о том, какая страшная битва разыгралась в тесном жилище. Поперек кабинетного рояля распростерся труп еще одного чернокожего воина, а перед дверью в комнату леди Джейн лежали три мертвых тела преданных слуг Грейстоков.

Дверь в комнату была закрыта. Тарзан, с поникшими плечами и потускневшим взглядом, стоял, бездумно уставившись на молчаливую преграду, скрывавшую от него жуткую тайну, которую он не осмеливался разгадать.

Медленно, с налитыми свинцом ногами, он двинулся к двери. Ничего не видя перед собой, ошупью нашел дверную ручку. И так простоял еще несколько долгих минут, после чего резким движением выпрямился во весь свой огромный рост, расправил могучие плечи и бесстрашно вскинул голову, распахивая дверь и шагая через порог в комнату, хранившую для него самые дорогие воспоминания и переживания. Ничто не дрогнуло в угрюмом и сурово сосредоточенном лице, когда он прошел через комнату и остановился рядом с небольшой кушеткой, на которой лицом вниз лежало безжизненное тело – неподвижная, безмолвная форма, еще недавно лучившаяся жизнью, молодостью и любовью.

Ни слезинки не выступило на глазах человека-обезьяны, одному только Богу, сотворившему его, ведомо, какие мысли проносились в этом все еще наполовину диком разуме. Он долго стоял так, просто глядя сверху на мертвое тело, обуглившееся до неузнаваемости, а затем шагнул и поднял его. Развернув тело лицом и увидев, какой жуткой была эта смерть, он в один миг познал всю глубину горя, ужаса и ненависти.

И ему не требовалось даже видеть сломанную немецкую винтовку в передней комнате или разорванную, залитую кровью фуражку на полу, чтобы понять, кто были виновники этого чудовищного и бессмысленного преступления.

Еще миг он надеялся, наперекор здравому смыслу, что этот почерневший труп принадлежит не его подруге, но, когда взгляд скользнул, узнавая, по кольцам на пальцах, последний робкий луч надежды потух.

Молча, с любовью и благоговением, он похоронил несчастное, обугленное тело в маленьком розарии, предмете гордости и обожания леди Джейн, закопав рядом и могучих чернокожих воинов, пожертвовавших своими жизнями в тщетной попытке защитить госпожу.

Сбоку от дома Тарзан обнаружил другие свежие могилы, в которых нашел недостающие улики, способные точно установить истинных виновников тех зверств, какие творились здесь в его отсутствие.

Он откопал тела дюжины немецких аскари и увидел на мундирах знаки различия, обозначающие их принадлежность к определенному полку. Человеку-обезьяне этого было достаточно. Установить личности белых офицеров, отдававших приказы этим людям, будет нетрудно.

Вернувшись в розарий, он постоял над могилой своей подруги среди истоптанных прусаками цветущих кустов – он стоял, свесив голову в последнем безмолвном прощании. Когда солнце медленно закатилось за возвышавшийся на западе лес, он медленно развернулся и побрел по все еще различимому следу гауптмана Фрица Шнайдера и его кровавой банды.

Он страдал, как страдают бессловесные твари, – молча, вот только это не означает меньше. Поначалу бескрайняя скорбь заглушила способность мыслить – его разум был поглощен свершившейся бедой настолько, что отзывался лишь на одно беспристрастное утверждение: «Она мертва! Мертва! Мертва!» Снова и снова эта фраза размеренно билась в его сознании, вызывая тупую ноющую боль, и все же его ноги машинально двигались по следу ее убийц, и все его органы чувств были настороже, сознавая вечные опасности джунглей.

Постепенно, стараниями его великой скорби, явилось другое переживание, настолько реальное, настолько осязаемое, что показалось спутником, шагавшим рядом с ним. Это была Ненависть, и она принесла с собой некоторое успокоение и утешение, поскольку то была воз-

вышающая душу ненависть, облагораживавшая его, как облагораживала бесчисленные тысячи людей до него, – ненависть к Германии и немцам. Конечно, она была сосредоточена на убийцах его подруги, но распространялась и на всех немцев, живых или мертвых. Когда мысль как следует проникла в сознание, он остановился и поднял лицо к Гору, луне, с воздетыми руками проклиная тех, кто совершил безобразное преступление в некогда мирном бунгало, оставшемся у него за спиной; он проклял тех, кто их породил, и их потомков, проклял весь их народ, принося про себя клятву сражаться с ними без усталости, пока смерть не остановит его.

И почти сразу пришло ощущение умиротворения, ведь если только что его будущее казалось в лучшем случае пустым, то теперь оно наполнилось возможностями, размышляя о которых он если и не становился счастливым, то хотя бы смог отвлечься от абсолютного горя, ибо ему предстояла огромная работа, которая займет все его время.

Тарзан содрал с себя не только внешние символы цивилизации – морально и умственно он вернулся в состояние дикого зверя, каким был взращен. Да ведь его цивилизованность все время была лишь маской, надетой ради той, которую он любил, потому что ему казалось, ей приятнее видеть его таким. На самом же деле он всегда питал к внешним признакам так называемой культуры глубокое презрение. Цивилизованность означала для Тарзана из племени обезьян урезание свободы во всех ее проявлениях: свободы действовать, свободы мыслить, свободы любить, свободы ненавидеть. К одежде он испытывал отвращение – неудобная, уродливая, ограничивающая свободу, она казалась ему некими гарантиями, ограждающими от той жизни, какую, как он видел, ведут бедняки в Лондоне и Париже. Одежда была воплощением того лицемерия, на котором держится цивилизация, ведь ее носители якобы стыдились того, что скрывает одежда, – человеческого тела, сотворенного по образу и подобию Божьему. Тарзан знал, как глупо и жалко выглядят в цивилизованной одежде низшие сословия, потому что видел несколько раз этих бедолаг, наряженных соответствующим образом, в бродячих цирках Европы, и еще он знал, как глупо и жалко выглядит в одежде человек, потому что все люди, каких он встречал в первые двадцать лет своей жизни, были, как и он сам, обнаженными дикарями. Человек-обезьяна искренне восхищался мускулистыми, пропорционально сложенными телами, будь то тело льва, антилопы или человека, и он никак не мог понять, как это одежда может считаться красивее чистой, упругой, здоровой кожи, а сюртук и брюки могут быть элегантнее изящных изгибов округлых мускулов, играющих под эластичной шкурой.

В цивилизации Тарзан нашел алчность, эгоизм и жестокость, далеко превосходившие те, что он успел узнать в родных диких джунглях, и, хотя цивилизация подарила ему подругу и нескольких друзей, которых он любил и которыми восхищался, он никогда не принимал цивилизованный мир так, как мы с вами, не знающие больше ничего или почти ничего; и вот теперь он решительно отбросил все это, испытав облегчение, и двинулся в джунгли, снова в одной лишь набедренной повязке и с оружием.

Охотничий нож его отца висел у него на левом бедре, лук и колчан со стрелами были заброшены за плечо; другое плечо обхватывала, проходя через грудь, смотанная кольцами длинная травяная веревка, без которой Тарзан ощущал бы себя таким же голым, как вы, если бы вдруг оказались посреди запруженной народом улицы в одном белье. Тяжелое боевое копье, которое он иногда носил в руке, сейчас болталось в кожаной петле на шее, переброшенное за спину, довершая таким образом его вооружение и его наряд. Не хватало лишь украшенного бриллиантами медальона с изображениями его матери и отца, который он носил не снимая, пока не подарил перед свадьбой Джейн Клейтон в знак своей глубочайшей преданности. После чего уже она носила его не снимая, однако же медальона не оказалось на ее теле, найденном им в ее комнате, так что теперь в его задачу входила не только месть, но и необходимость отыскать украденную драгоценность.

Ближе к полуночи Тарзан начал ощущать физическое напряжение после долгих часов пути и осознал, что запас прочности даже таких мышц, как у него, не безграничен. Его погоня

за убийцами не отличалась какой-то чрезмерной быстротой, скорее, он двигался, подчиняясь внутренней установке обязательно требовать с немцев больше, чем око за око, зуб за зуб, и фактор времени, хотя и принимался в расчет, мало что значил для него.

Внутренне, как и внешне, Тарзан вернулся в состояние дикого зверя, а в жизни зверей время, как измеряемый показатель хода бытия, не имеет смысла. Зверя интересует лишь *сейчас*, а поскольку *сейчас* происходит всегда и будет всегда, есть целая вечность, чтобы достичь желаемого. Человек-обезьяна, разумеется, несколько лучше сознавал налагаемые временем ограничения, однако, как и звери, двигался с вальяжной неспешностью, когда обстоятельства не требовали от него молниеносных действий.

Когда он решил посвятить свою жизнь мести, месть сделалась естественным для него состоянием и потому перестала быть срочной, по этой причине он и не торопился, преследуя врагов. А не отдыхал до сих пор только потому, что не ощущал усталости, поскольку его разум был поглощен скорбью и желанием мстить; впрочем, теперь он почувствовал, что устал, и искал глазами какого-нибудь из древесных великанов, чьи ветви и раньше давали ему приют на ночь.

Теперь по небу стремительно проносились облака, время от времени скрывая яркий лик Гора, луны, и предупреждая человека-обезьяну о надвигающейся грозе. В недрах джунглей из-за этих облаков царил непроглядная тьма, которую можно было едва ли не пощупать, – тьма, показавшаяся бы нам с вами жуткой, поскольку сопровождалась шорохом листьев и треском ветвей, а еще моментами полной тишины, в которые даже самое незатейливое воображение успевало нарисовать затаившегося хищника, напружинившегося для смертоносного прыжка; впрочем, Тарзан двигался дальше, равнодушный ко всем этим страхам, хотя и неизменно настороженный. Вот он раскачался на ветке и забросил тело на нижний ярус леса, когда какое-то необъяснимое чувство предупредило, что прямо на его пути лежит в засаде Нума, еще раз он чуть отклонился в сторону, когда Буто-носорог устремился к нему по узкой, глубоко натоптанной тропе, потому что человек-обезьяна, готовый ринуться в бой по малейшему истинному поводу, избегал ненужных столкновений.

Когда он в конце концов забрался на дерево, которое искал, луну затянули плотные тучи, и вершины деревьев бешено закачались на все усиливавшемся ветру, заглушая шорохом листьев все остальные звуки джунглей. Тарзан поднимался все выше, к надежной развилке ветвей, на которую давно уже натаскал тонких веток, устроив небольшую лежанку. Стало совсем темно, даже темнее, чем раньше, поскольку теперь уже весь небосклон был затянут плотными черными тучами.

Вдруг человек-зверь замер, его чувствительные ноздри раздулись, пока он втягивал в себя воздух. Затем с ловкостью и проворством кошки он запрыгнул на раскачивавшуюся ветку, взмыл вверх сквозь тьму, зацепился за следующую ветку, раскачался и перебросил тело еще выше. Отчего же его размеренный подъем вдоль гигантского ствола обернулся утомительным и поспешным обходным маневром среди ветвей? Мы с вами не увидели бы ничего – даже маленького настила, который мигом раньше был над самой его головой, а теперь остался далеко внизу; однако, пока он раскачивался на ветке, мы точно услышали бы злое ворчанье, а затем, когда луна выглянула бы на мгновение, то рассмотрели бы и настил из ветвей (смутно), и темное пятно, расплывшееся по нему, – это темное пятно, теперь, когда наши глаза привыкли к чуть рассеявшейся темноте, обрело бы очертания Шиты-леопарда.

В ответ на рычание хищника из широкой груди человека-обезьяны вырвался не менее утробный и такой же яростный рык – предостерегающий рык, объяснявший леопарду, что тот вторгся в чужое логово, однако Шита был не в настроении выселяться. Он задрал голову, оскалившись на застывшего на дереве смуглого тармангани. Человек-обезьяна очень медленно двинулся по ветке к стволу, пока не оказался прямо над леопардом. В руке он сжимал охотничий нож своего давно умершего отца – оружие, которое прежде всего и позволило ему добиться

превосходства над зверями в джунглях; однако он надеялся, что ему не придется пускать его в ход, поскольку знал, что большинство лесных баталий сводятся к жуткому рычанию, а не к настоящим схваткам, – подобный обманный прием действует в джунглях не хуже, чем в любых других местах, и лишь в вопросах любви и пропитания крупные животные применяют на деле клыки и когти.

Тарзан прислонился к стволу дерева и придвинулся к Шите поближе.

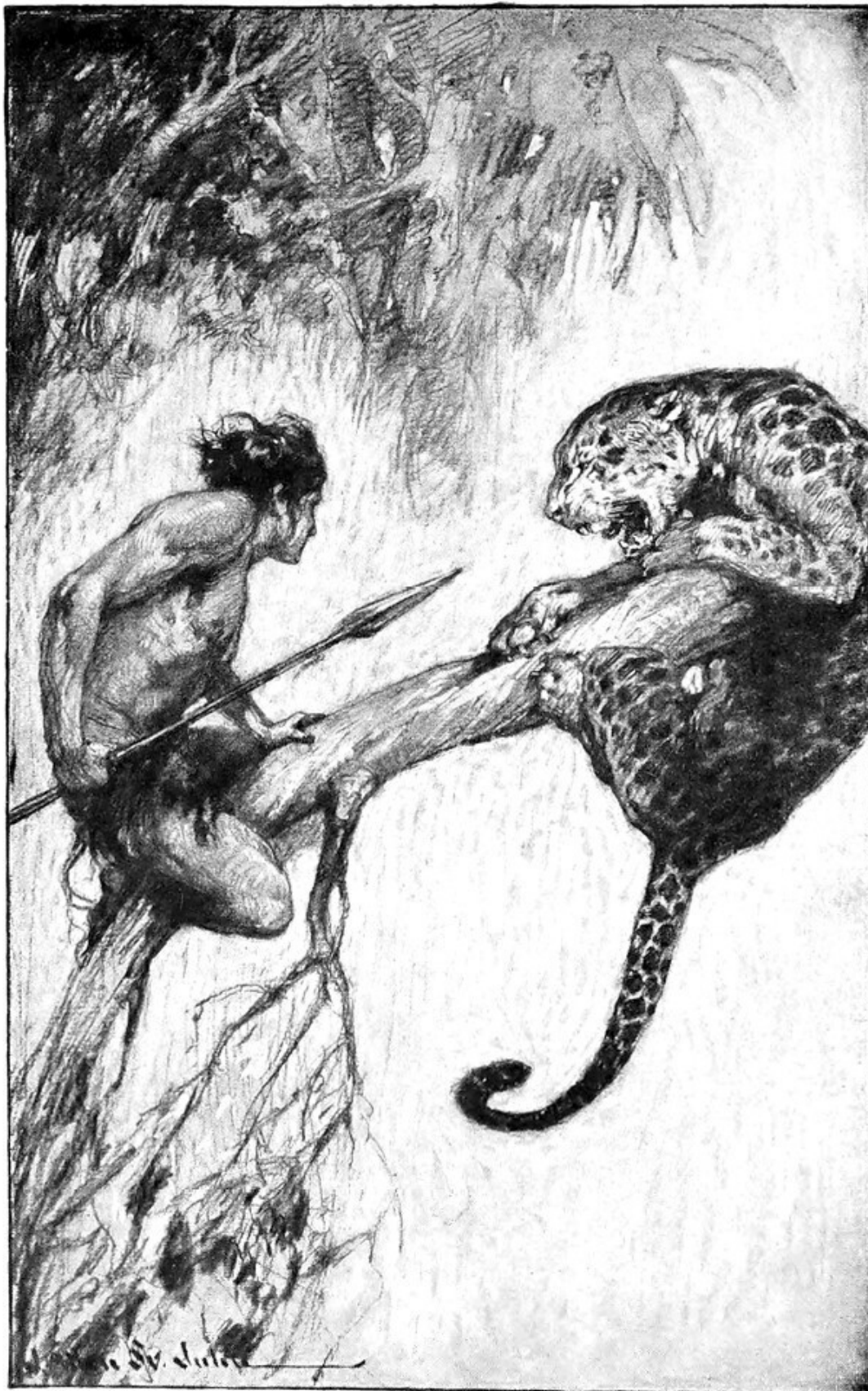
– Похититель балу! – выкрикнул он.

Леопард принял сидячее положение, его обнаженные клыки сверкали в каких-то футах от насмешливо скривившегося лица человека-обезьяны. Тарзан жутко зарычал и ткнул в кошачью морду ножом.

– Я Тарзан из племени обезьян! – проревел он. – Это логово Тарзана. Убирайся, или я убью тебя!

Хотя он говорил на языке больших обезьян джунглей, вряд ли Шита понял его слова, зато прекрасно понял, что эта безволосая обезьяна хочет прогнать его со старательно выбранного места, мимо которого за ночь обязательно пройдут какие-нибудь съедобные существа.

С быстротой молнии кот, подавшись назад, нанес жестокий удар по своему мучителю огромной когтистой лапой, которая оставила бы человека-обезьяну без лица, если бы удар попал в цель, только он не попал: Тарзан был проворнее даже Шиты. Когда леопард вскочил на настиле на все четыре лапы, Тарзан выдернул из петли свое тяжелое копьё и ткнул им в оскаленную морду, и, пока Шита уклонялся от ударов, оба продолжали исполнять свой жуткий дуэт, состоявший из леденящих кровь рыков и ворчанья.

Обезумевший от ярости кот теперь твердо вознамерился добраться до этого нарушителя покоя, однако каждый раз, когда он собирался запрыгнуть на ветку, где стоял Тарзан, ему в

морду неизменно устремлялось острое копы, и каждый раз он отскакивал назад, опасно приближаясь к тонкому концу ветки; в конце концов ярость оказалась сильнее рассудка, леопард взлетел по грубому стволу на ту самую ветку, где был Тарзан. Теперь они стояли друг против друга на одном уровне, и Шита видел не только возможность немедленной мести, но заодно и хороший ужин. Это безволосое существо со своими крохотными клыками и жалкими когтями выглядело беспомощно перед ним.

Толстая ветка согнулась под тяжестью двух хищников, пока Шита осторожно подкрадывался, а Тарзан медленно пятился, рыча. Ветер теперь задувал с ураганной силой, и даже самые большие деревья в лесу, стена, раскачивались под его порывами, и ветка, на которой стояли лицом к лицу противники, вздымалась и опала, словно корабельная палуба в шторм. Горо окончательно скрылся, зато яркие молнии подсвечивали джунгли почти непрерывно, позволяя увидеть мрачную картину первобытных страстей, разыгравшихся на качавшейся ветке.

Тарзан пятился все дальше, уводя Шиту от древесного ствола к концу сужавшейся ветки, ступать по которой становилось все опаснее. Кот, обезумевший от боли, оставленной копьем, позабыл о всякой осторожности. Он уже забрался туда, где мог только более-менее надежно стоять, и как раз этот момент Тарзан выбрал для нападения. Его рев слился с гулким раскатом грома в поднебесье, когда он прыгнул на леопарда, который мог лишь тщетно размахивать одной громадной лапой, вцепляясь в ветку всеми остальными, вот только человек-обезьяна никак не попадал под его смертоносные удары. Вместо того он перепрыгнул злое когти и щелкающие челюсти, перевернулся в прыжке и приземлился прямо на спину Шите, в тот же миг глубоко вонзив свой нож в узорчатый золотистый бок. И вот тут Шита, понукаемый болью, ненавистью и яростью, а еще первым законом Природы, окончательно обезумел. Рыча и размахивая когтями, он попытался извернуться и достать человека-обезьяну, вцепившегося ему в спину. Мгновение он жался к теперь уже бешено плясавшей под ним ветке, отчаянно впиваясь всеми когтями, чтобы спастись от падения, а затем ухнул вниз, в темноту, с накрепко прильнувшим к нему Тарзаном. С треском пронесшись между ветвями, оба рухнули. И ни на миг человек-обезьяна не ослабил своей мертвой хватки. Он ведь уже вступил в смертельный поединок и был верен древним инстинктам диких джунглей – их неписаному закону: битва завершится гибелью одного или обоих противников.

Шита, как и все кошки, приземлился на широко расставленные лапы, и тяжесть человека-обезьяны придавила его к земле, а длинный нож снова вонзился в бок. Еще раз леопард попытался подняться, но лишь снова распростерся на земле. Тарзан почувствовал, как гигантские мышцы под ним обмякли. Шита был мертв. Поднявшись, человек-обезьяна поставил ногу на тело поверженного врага, задрал лицо к гроыхавшему небу и, когда вспыхнула молния и хлынул поток дождя, испустил дикий победный клич самца обезьяны.

Добившись цели и выселив противника из своего логова, Тарзан нарвал охапку больших папоротников и забрался на свое промокшее ложе. Постелив несколько папоротников на ветки, он улегся и прикрылся остальными от дождя, после чего, несмотря на завывания ветра и раскаты грома, моментально заснул.

Глава 2

В логове льва

Дождь лил целые сутки, почти все это время обрушиваясь обильными потоками, и потому, когда прекратился, тропа, по которой шел Тарзан, оказалась полностью размыта. Стало холодно и бесприютно, но неистовый Тарзан пробирался дальше через лабиринт мокрых джунглей. Маленький Ману, дрожавший и стрекотавший среди отсыревших деревьев, бранясь, убрался с его пути. Даже леопарды и львы пропускали ворчавшего что-то тармангани, обходя стороной.

Когда солнце снова засияло на второй день пути и жар Куду, изливаясь в полную силу на широкую равнину, согрел озябшее смуглое тело, Тарзан воспрянул духом; но все равно на юг, туда, где он надеялся снова напасть на след немцев, он двигался как угрюмый ворчливый зверь. Он находился теперь в Германской Восточной Африке, намереваясь обогнуть горы западнее Килиманджаро, на зубчатые пики которых он точно не собирался карабкаться, а затем повернуть на восток вдоль южной их оконечности, в сторону железной дороги на Танга, поскольку, исходя из своего опыта жизни среди людей, рассудил, что как раз к этой железной дороге и будут, вероятнее всего, продвигаться немецкие войска.

Спустя два дня, где-то под южными склонами Килиманджаро, он услышал грохот пушек далеко на востоке. День стоял тусклый и пасмурный, и теперь, когда он проходил через узкое ущелье, несколько крупных капель дождя упали на его обнаженные плечи. Тарзан мотнул головой, ворчаньем выражая свое неодобрение, затем огляделся в поисках укрытия, потому что с него было уже довольно холода и сырости. Ему хотелось поспешить в ту сторону, откуда доносился грохот канонады, потому что он знал, что там немцы должны драться с англичанами. На миг его грудь наполнилась гордостью при мысли, что он англичанин, но затем он снова яростно замотал головой.

– Нет! – буркнул он. – Тарзан из племени обезьян не англичанин, потому что англичане люди, а Тарзан – тармангани.

Однако, несмотря на свою скорбь и угрюмую ненависть к человечеству в целом, он не мог скрыть, как потеплело на душе при мысли, что именно англичане сражаются с немцами. Он жалел только, что англичане люди, а не «огромные белые обезьяны», каковой он снова начал считать себя.

«Завтра, – подумал он, – я вернусь этим же путем и найду немцев», – после чего сосредоточился на неотложной задаче по поиску какого-нибудь укрытия от бури. Тут он заметил вдалеке низкий и узкий лаз в основании скалы в северной стене ущелья, похожий на вход в пещеру. Взяв в руку нож, он с опаской приблизился к этому месту, ведь, если там пещера, несомненно, в ней устроил логово какой-нибудь зверь. Перед входом валялось много каменных обломков разных размеров, таких же, как и вдоль всего основания скалы, и у Тарзана мелькнула мысль, что, если пещера окажется свободной, он заложит вход, чтобы наверняка обеспечить себе спокойный и безопасный отдых на всю ночь. Пусть гроза беснуется снаружи, Тарзан останется в пещере, в сухости и уюте, пока она не прекратится. Тоненький холодный ручеек вытекал из зева пещеры.

Подойдя к пещере поближе, Тарзан опустился на колени и обнюхал землю. Низкий рык вырвался у него из груди, и верхняя губа задралась, обнажая боевые клыки.

– Нума! – пробурчал он, однако не стал останавливаться.

Нумы, может быть, нет дома – как раз это и надо выяснить. Зев пещеры был такой низкий, что человеку-обезьяне пришлось встать на четвереньки, прежде чем просунуть голову в отверстие, но для начала он обернулся, осмотрелся по сторонам, прислушался и принялся – со спины его никто не захватит врасплох.

Заглянув в пещеру, он тут же обнаружил узкий тоннель, дальний конец которого был залит дневным светом. Внутри тоннеля оказалось не настолько темно, чтобы человек-обезьяна не понял сразу, что в данный момент тут никого нет. Осторожно продвигаясь вперед, он пополз к дальнему концу, в полной мере сознавая, что будет, если Нума вдруг внезапно появится в тоннеле впереди, однако Нума не появился, и человек-обезьяна преодолел весь проход, добравшись до места, где можно было встать в полный рост, и оказавшись в горной расщелине, где его со всех сторон обступили почти неприступные каменные стены; тоннель, начинавшийся в ущелье, проходил сквозь толщу породы, коридором соединяя внешний мир с просторным карманом или же ложиной, полностью обнесенной отвесными скалами. Если не считать этого узкого лаза из ущелья, не было другого входа в ложину, достигавшую сотни футов в длину, пятидесяти – в ширину и казавшуюся выбитой в скальной породе водой, стекавшей сюда долгими веками. Тоненькая струйка воды с вековечной снежной шапки Килиманджаро и сейчас сочилась через кромку каменной стены в самой верхней точке ложины, образуя небольшое озерцо под скалой, из которого прямо в тоннель, приведший его сюда из ущелья, струился ручей. Почти в самом центре ложины возвышалось дерево с пышной кроной, а среди камней на дне тут и там торчали клочки жесткой травы.

Кости множества крупных животных были разбросаны вокруг, и среди них – несколько человеческих черепов. Тарзан изумленно поднял брови.

– Людоед, – пробормотал он, – и, судя по костям, он довольно долго обитает здесь. Сегодня ночью Тарзан займет логово людоеда, а Нума пусть себе рычит и ворчит снаружи.

Человек-обезьяна зашел в ложину довольно далеко, изучая все вокруг, и теперь стоял рядом с деревом, радуясь, что тоннель привел его в сухое и тихое убежище для ночевки; он развернулся, чтобы вернуться ко входу и заложить его камнями от Нумы, однако в этот момент какой-то звук достиг его чутких ушей, и он окаменел, словно статуя, не сводя глаз со входа в тоннель. Спустя миг в отверстии показалась голова громадного льва с роскошной темной гривой. Желтые с прозеленью глаза сверкнули, круглые, немигающие, впиваясь во вторгшегося в его логово тармангани, глухое ворчанье вырвалось из широкой груди, пасть оскалилась, выставляя напоказ мощные клыки.

– Брат твой Данго! – выругался Тарзан, рассердившись, что возвращение льва пришлось так некстати и нарушило его планы на спокойный ночной отдых. – Я – Тарзан из племени обезьян, повелитель джунглей. И сегодня я сплю здесь – убирайся!

Но Нума и не подумал уходить. Вместо того он злобно заворчал и сделал несколько шагов в сторону Тарзана. Человек-обезьяна схватил камень и швырнул прямо в оскаленную морду. Со львами никогда не знаешь, чем все обернется. И этот вполне мог бы поджечь хвост и удрать при первом же намеке на нападение – Тарзан в свое время не единожды прогонял львов таким способом, – однако он не удрал. Снаряд угодил Нуме прямо в нос – самое уязвимое место на кошачьем теле – и, вместо того чтобы обратить его в бегство, превратил в сгусток клокочущей ярости, жаждущий крови.

Хвост встал торчком, прямой и жесткий, и лев, издав несколько устрашающих рыков, ринулся на тармангани со скоростью курьерского поезда. Тарзан как раз вовремя подскочил к дереву и взлетел по ветвям, после чего присел там на корточки, осыпая оскорблениями царя зверей, пока Нума метался под ним кругами, ворча и стона от гнева.

А дождь между тем разошелся не на шутку, к негодованию и огорчению Тарзана. Он был очень сердит, однако лишь крайняя необходимость заставила бы его вступить в смертельную схватку со львом, ведь он, как никто другой, знал, что может противопоставить страшной громаде тяжелых мышц, когтей и клыков лишь удачу и проворство, и он даже не думал о том, чтобы спуститься и принять столь неравный и бессмысленный бой, наградой за который станет лишь маленькое физическое удобство. И потому он так и сидел на своей ветке, пока дождь

поливал без усталости, а лев ходил кругами вниз, через каждые несколько шагов бросая на него злобный взгляд.

Тарзан всматривался в отвесные стены лощины, выискивая путь к бегству. Человек обычный спасовал бы, однако человек-обезьяна, привычный карабкаться, увидел несколько мест, способных дать опору ноге, пусть и не слишком надежную, но достаточно, чтобы у него появилась обоснованная уверенность, что он спасется, если Нума хотя бы на мгновение отойдет в дальний конец лощины. Только Нума, несмотря на дождь, не выказывал желания оставить свой пост, и в итоге Тарзан начал всерьез размышлять, не лучше ли рискнуть и помериться силами в бою, чем и дальше мерзнуть и мокнуть на своем жалком насесте.

Но как только он принялся прокручивать эту мысль в голове, Нума неожиданно развернулся и величественно двинулся в сторону тоннеля, даже ни разу не оглянувшись. Стоило ему скрыться из виду, Тарзан легко спрыгнул на землю за деревом и со всех ног кинулся к скале. Лев, не успев войти в тоннель, моментально повернул обратно, стремительный словно молния, и во весь опор помчался через лощину за удиравшим человеком-обезьяной; а ставки Тарзана были слишком высоки: если он сумеет зацепиться за голую поверхность хотя бы пальцем или ступней, он спасен, но если соскользнет с мокрого камня, судьба его решена, потому что он упадет прямо в когтистые лапы Нумы и тогда даже могучий тармангани окажется обречен.

С проворством кошки Тарзан взбежал по скале футов на тридцать, прежде чем затормозил, найдя надежную опору для ног; он постоял там, глядя вниз на Нуму, который высоко подпрыгивал в ярости, тщетно пытаясь подняться по каменной стене вслед за добычей. Льву удалось преодолеть футов пятнадцать-двадцать, но лишь для того, чтобы скатиться обратно. Тарзан еще мгновение поглядел на него, после чего пустился в медленный и осторожный путь к вершине. Несколько раз он с трудом находил опору, но в конце концов подтянулся над краем, поднялся, набрал пригоршню камней, метнул их в Нуму и зашагал прочь.

Отыскав легкий спуск обратно в ущелье, он уже хотел продолжить свой путь в ту сторону, где до сих пор гроыхали выстрелы, когда внезапно пришедшая мысль заставила его остановиться, и легкая улыбка заиграла на губах. Он развернулся и быстро побежал обратно, ко входу в тоннель Нумы. На подступах он немного прислушался, после чего принялся спешно собирать крупные обломки скалы и закладывать ими вход в пещеру. Он почти полностью замуровал отверстие, когда в тоннеле появился лев – очень злой и голодный лев, который принялся разгребать камни лапами, издавая такие вопли, что почва содрогалась под ногами, только его рычанье не напугало Тарзана из племени обезьян. Еще младенцем, прижимаясь к шерстистой груди Калы, он бесчисленное множество ночей закрывал глаза и засыпал под неистовый хор подобных звуков. В жизни джунглей не было ни единого дня или ночи – а почти вся его жизнь протекала в джунглях, – когда он не слышал бы рыка голодных львов, или раздраженных львов, или львов в поисках любви. Подобные звуки действовали на Тарзана, как на вас – звуки автомобильного клаксона: если на вас едет автомобиль, надо убраться с его пути, если автомобиля поблизости нет, вы едва ли обращаете на них внимание. Выражаясь фигурально, автомобиль сейчас на Тарзана не ехал – Нума не мог его достать, и Тарзан это знал, потому он продолжал неторопливо закладывать отверстие, пока не осталось ни шанса, что Нума сможет выбраться в ущелье. Покончив с делом, он скорчил рожу скрытому каменной преградой льву и отправился дальше на восток.

– Людоед, которому больше не есть людей, – сказал он самому себе.

В ту ночь Тарзан устроился на ночлег под нависающим выступом скалы. На следующее утро он продолжил путь, задержавшись лишь для того, чтобы поохотиться и утолить голод. Другие дикие животные после еды ложатся отдохнуть, однако Тарзан никогда не позволял своему животу нарушать его планы. И в этом заключалось одно из главных отличий человека-обезьяны от его товарищей по джунглям и лесам. Канонада впереди то возобновлялась, то затихала. Он отметил про себя, что интенсивнее всего она была на рассвете и сразу после заката, а

вот на протяжении почти всей ночи было тихо. В разгар второго дня пути он нагнал военный отряд, двигавшийся в сторону фронта. По-видимому, эти люди обеспечивали армию продовольствием, поскольку гнали перед собой коз и коров, а еще носильщиков из местных, нагруженных зерном и прочей провизией. Тарзан обратил внимание, что эти местные были в ошейниках, скованных цепями попарно, а еще отметил, что отряд состоял из чернокожих солдат в немецких мундирах. Офицеры были белые. Тарзана никто не заметил, однако же он пробыл там, рядом с ними и среди них, целых два часа. Он изучил нашивки на мундирах и понял, что они не похожи на ту, которую он прихватил у одного из погибших солдат у себя в доме, и тогда он пошел дальше, обогнав отряд, и никто не увидел его в густом кустарнике. Он натолкнулся на немцев и не перебил их только потому, что масштабное истребление германцев пока еще не было главной целью его жизни – в данный момент он сосредоточился на том из них, кто убил его подругу. Когда он расквитается с ним, он приступит к делу уничтожения *всех* немцев, которые только попадутся на его пути, а он подозревал, что попадаться будет много, потому что охотиться на них он станет с педантичностью профессиональных охотников, выслеживающих зверей-людоедов.

По мере приближения к переднему краю войск становилось все больше. Появились грузовики и повозки, запряженные волами, и вообще все возимое имущество небольшой армии, и постоянно попадались раненые, которые брели самостоятельно и которых везли в тыл. Чуть раньше Тарзан пересек железную дорогу и решил, что раненых доставляют к ней для дальнейшей транспортировки в головной госпиталь, а может быть, еще дальше, в Танга на побережье.

Спустились сумерки, когда он добрался до большого замаскированного лагеря у подножья гор Паре. Подходя к лагерю с тыла, он обнаружил, что часовых вокруг него мало, а те, которые есть, бдительности не проявляют, и потому с наступлением темноты он с легкостью проник туда и принялся переходить от палатки к палатке, прислушиваясь, выискивая ниточку, способную привести его к тому, кто убил его подругу.

Остановившись у стенки палатки, перед которой сидело несколько чернокожих солдат, он уловил некоторые слова, произнесенные на местном диалекте, мгновенно насторожившие его:

– Вазири дрались как черти, но мы все равно деремся лучше, и мы всех перебили. Когда дело было сделано, вошел капитан и убил женщину. А пока мы не убили всех мужчин, он стоял снаружи и орал во всю мочь. Унтер-лейтенант фон Госс храбрее – он вошел в дом и орал на нас, стоя у двери, тоже очень громко, и приказал нам прибить одного раненого вазири к стене гвоздями, а потом громко смеялся, глядя на его страдания. Мы все смеялись. Это было очень забавно.

Словно хищный зверь, угрюмый и страшный, Тарзан затаился в тени палатки. Какие мысли пронеслись в его зверином разуме? Кто знает? Внешне ни намек на чувства не отразилось на его красивом лице, лишь холодные серые глаза смотрели пристально, наблюдая. Наконец солдат, которого первым услышал Тарзан, поднялся и, распрощавшись с остальными, двинулся прочь. Он прошел в десяти футах от человека-обезьяны, направляясь в дальнюю часть лагеря. Тарзан последовал за ним и набросился на свою добычу в тени густых кустов. Не раздалось ни звука, когда человек-зверь прыгнул на спину добычи и сбил на землю, потому что в тот же миг его стальные пальцы сомкнулись на горле солдата, надежно перекрыв выход любым крикам. Удерживая жертву за шею, Тарзан затащил ее поглубже в заросли кустов.

– Ни звука, – предостерег он солдата на диалекте его племени, ослабляя хватку на его горле.

Тот силился вдохнуть и закатывал испуганные глаза, стараясь рассмотреть, что это за существо, в чьей власти он оказался. В темноте он увидел лишь обнаженное смуглое тело, склонившееся над ним; однако он отлично помнил чудовищную силу могучих мышц этого человека, лишившего его воздуха и затащившего в кусты с такой легкостью, словно он был

маленький ребенок. Если мысль о сопротивлении и пришла ему в голову, он, должно быть, сразу же отверг ее, поскольку даже не попытался бежать.

– Как зовут офицера, который убил женщину в доме, где вы сражались с вазири? – спросил Тарзан.

– Гауптман Шнайдер, – ответил чернокожий, когда снова смог говорить.

– Где он? – пожелал знать человек-обезьяна.

– Он здесь. Возможно, сейчас он в штабе. Туда вечером пошли многие офицеры, чтобы получить приказы.

– Веди меня туда, – велел Тарзан, – и, если меня обнаружат, я убью тебя в тот же миг. Вставай!

Чернокожий поднялся и повел его кружным путем через лагерь. Несколько раз им приходилось прятаться, когда мимо проходили солдаты, но наконец они добрались до громадной кучи спрессованного в тюки сена, высунувшись из-за которой чернокожий указал на двухэтажное здание вдалеке.

– Штаб, – пояснил он. – Дальше ты незамеченным не пройдешь. Там кругом полно солдат.

Тарзан понял, что не сможет пройти дальше в сопровождении чернокожего. Он обернулся и внимательно посмотрел на него, словно прикидывая, что бы с ним сделать.

– Ты помогал распять Васимбу из племени вазири, – высказал он обвинение негромким, но оттого не менее жутким голосом.

Чернокожий задрожал, колени у него подогнулись.

– Он нам так приказал, – умоляющим тоном отозвался он.

– Кто приказал? – спросил Тарзан.

– Унтер-лейтенант фон Госс, – ответил солдат. – Он тоже был там.

– Я его найду, – мрачно пообещал Тарзан. – Ты помогал распять вазири Васимбу, а пока он страдал, ты смеялся.

Солдат пошатнулся. Он как будто услышал в этом обвинении и свой смертный приговор. Ничего не сказав больше, Тарзан снова схватил его за шею. Как и в предыдущий раз, не раздалось ни звука. Гигантские мышцы напряглись. Руки стремительно взметнулись, после чего тело чернокожего солдата, помогавшего распинать вазири Васимбу, описало в воздухе полный оборот – один, другой, третий, а затем улетело в сторону, и человек-обезьяна направился к штабу генерала Краута.

Путь ему преграждал единственный часовой на задворках здания. Тарзан пополз в его сторону, припадая животом к земле, пользуясь любым прикрытием, как это умеют только выросшие в джунглях хищники. Когда взгляд часового обратился в его сторону, Тарзан вжился в землю, неподвижный, словно камень, когда тот отворачивался, он стремительно продвигался вперед. Скоро он оказался на расстоянии прыжка. Он дождался, пока часовой снова развернется к нему спиной, после чего поднялся и беззвучно подскочил к нему. И снова не раздалось ни звука, когда он понес мертвое тело к дому.

В нижнем этаже горел свет, наверху было темно. В окна Тарзан увидел просторную переднюю комнату, а за ней – смежную комнату поменьше. В первой собралось много офицеров. Некоторые прохаживались, беседуя, другие сидели за походными столами и что-то писали. Окна были распахнуты, и Тарзан слышал почти все, однако в разговорах не было ничего интересного для него. В основном речь шла об успехах немцев в Африке и о том, когда наконец германская армия в Европе дойдет до Парижа. Некоторые высказывали предположение, что кайзер уже там, и много ругали бельгийцев.

В комнате поменьше за столом сидел генерал, крупный мужчина с красным лицом. Чуть позади него сидели еще несколько офицеров, а двое вытянулись перед ним по стойке смирно, отвечая на вопросы, которые задавал им генерал. Во время разговора генерал то и дело дотра-

гивался до керосиновой лампы, стоявшей на столе. Скоро раздался стук в дверь, и вошел адъютант. Он взял под козырек и доложил:

– Прибыла фройляйн Кирхер, сэр.

– Просите ее войти, – приказал генерал, а затем кивком отпустил офицеров, стоявших перед ним.

Фройляйн, входя, столкнулась с ними в дверях. Все офицеры в маленькой комнате встали и отдали честь, фройляйн ответила реверансом, склонив голову и слегка улыбнувшись. Она была очень хороша собой. Даже грубый, заляпанный грязью костюм для верховой езды и пыль, коркой покрывавшая лицо, не скрывали этого факта. А еще она была юна, явно не старше девятнадцати.

Она подошла к столу, за которым стоял генерал, вынула из внутреннего кармана сложенную бумагу и подала ему.

– Присаживайтесь, фройляйн, – предложил он, и кто-то из офицеров пододвинул ей стул. Все молчали, пока генерал изучал содержание бумаги.

Тарзан же изучал людей в комнате. Он гадал, не может ли среди них оказаться гауптман Шнайдер, поскольку здесь были два человека в звании капитана. Девушка, решил он, из отдела разведки – шпионка. Ее красота не произвела на него впечатления – он без малейшего колебания свернул бы эту изящную юную шейку. Она была немка, и этого довольно, только перед ним стояла сейчас иная и более важная задача. Он хотел заполучить гауптмана Шнайдера.

Наконец генерал оторвал взгляд от бумаги.

– Отлично, – сказал он девушке, а затем обратился к одному из адъютантов: – Пошлите за майором Шнайдером.

Майор Шнайдер! Тарзан ощутил, как встали дыбом крошечные волоски на шее сзади. Эту скотину, убившую его подругу, уже повысили в звании – наверняка его повысили как раз за это самое преступление.

Адъютант вышел из комнаты, а остальные заговорили все разом, и из их разговора Тарзан понял, что войска Германской Восточной Африки намного превосходят британцев и последние испытывают большие лишения. Густые кусты так надежно скрывали человека-обезьяну, что он мог сколько угодно изучать комнату, оставаясь незамеченным людьми в доме, в то же время защищенный от взглядов тех, кто мог бы пройти мимо поста уничтоженного им часового. Он в любой миг ждал, что появится патруль или смена и обнаружит отсутствие часового, и вот тогда, знал он, немедленно начнутся самые тщательные поиски.

Он с нетерпением ждал прихода того человека, которого он ищет, и наконец был вознагражден новым появлением адъютанта, отправленного на поиски, который привел офицера среднего телосложения с бодро торчавшими кверху усами. Вновь пришедший промаршировал к столу, остановился и отдал честь, доложив о себе. Генерал ответил на приветствие и обернулся к девушке.

– Фройляйн Кирхер, – произнес он, – позвольте представить вам майора Шнайдера...

Тарзан не стал слушать дальше. Взявшись за подоконник одной рукой, он запрыгнул в комнату, оказавшись среди ошеломленных офицеров кайзера. Одним прыжком достигнув стола, он смел с него лампу, запустив ее в толстое пузо генерала, который, в безумной попытке избежать кремирования, отшатнулся и вместе со стулом завалился на пол. Два адъютанта бросились на человека-обезьяну, который подхватил одного из них и швырнул на второго. Девушка вскочила со стула и замерла, вжавшись в стену. Остальные офицеры во весь голос звали помощь и охрану. Целью Тарзана был всего-навсего один определенный человек, и его он не упускал из виду. Освободившись от адъютантов, он схватил майора Шнайдера, перекинул через плечо и выскочил в окно так быстро, что все ошеломленное общество едва ли успело осознать, что произошло.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: на посту часового по-прежнему никого, а мигом позже Тарзан укрылся со своей ношей в тени кучи сена. Майор Шнайдер не крикнул ни разу по весьма уважительной причине – горло у него было пережато. Теперь Тарзан немного ослабил хватку, чтобы дать немцу отдышаться.

– Если хотя бы пискнешь, я снова тебя придушу, – пообещал он.

Осторожно, проявляя бесконечное терпение, Тарзан миновал последний пост. Заставив пленника идти впереди, он гнал его на запад, пока, уже поздно ночью, снова не пересек железную дорогу и тогда уже вполне обоснованно ощутил себя свободным от погони. Немец сыпал проклятиями, бурчал, угрожал и задавал вопросы, но единственным ответом ему был очередной тычок острого боевого копья Тарзана. Человек-обезьяна погонял перед собой человека так, как мог бы гнать кабана, с той лишь разницей, что к кабану он отнесся бы с большим почтением и заботой.

До сих пор Тарзан как-то не особенно задумывался, как именно будет мстить. Теперь же он всерьез размышлял, каким должно быть наказание. Только в одном он был уверен: закончиться оно должно смертью. Как и все храбрые люди и отважные животные, Тарзан не имел природной склонности к пыткам – ни малейшей, однако же этот случай был уникален. Врожденное чувство справедливости требовало «око за око», а недавно произнесенная клятва требовала даже большего. Да, этот гад должен страдать так же, как он заставил страдать Джейн Клейтон. Тарзан не надеялся заставить его страдать так же, как страдал он сам, поскольку физическая боль никогда не сравнится с изощренной душевной пыткой.

Всю долгую ночь человек-обезьяна погонял изможденного и теперь уже охваченного ужасом пруссака. Зловещее молчание пленителя било немца по нервам. Если бы только он заговорил! Снова и снова Шнайдер пытался угрозой или лестью выудить из него хоть словечко, но результат был неизменным: нескончаемое молчание и болезненный и жестокий тычок острием копья. Все порезы и ссадины Шнайдера сочились кровью. Он настолько обессилел, что каждый шаг давался с трудом, он часто падал, но каждый раз его снова поднимало на ноги беспощадное копьё.

Только к утру Тарзан принял решение, и оно явилось к нему словно откровение свыше. Улыбка медленно растянула его губы, и он тут же нашел место, чтобы улечься и отдохнуть: ему хотелось теперь, чтобы пленник набрался сил перед тем, что ему предстояло. Впереди протекал поток, который Тарзан пересекал накануне. Он знал, что у брода есть водопой, и это самое подходящее место, чтобы легко добыть дичь. Жестом приказав немцу хранить полное молчание, он вместе с ним осторожно приблизился к потоку. Чуть дальше на звериной тропе Тарзан увидел нескольких оленей, готовых отойти от водопоя. Он толкнул Шнайдера в кусты и опустился на корточки рядом с ним, выжидая. Немец с недоумением и страхом в глазах наблюдал за безмолвным великаном. При свете зари он первый раз за все время смог как следует рассмотреть своего захватчика, и все его прежние страхи и недоумение обратились в ничто по сравнению с тем, что он испытывал теперь.

Кем или чем может быть этот почти голый белокожий дикарь? Его речь он слышал всего раз – когда тот велел ему молчать, – но то был безукоризненный немецкий с выверенными интонациями образованного человека. Теперь же он наблюдал за ним, словно парализованная ужасом лягушка, наблюдающая за змеей, готовой ее проглотить. Он видел, как мускулистые руки и ноги и все пропорционально сложенное тело застыло мраморной статуей, когда это непонятное создание опустилось на корточки, прячась в густой растительности. Ни единый мускул, ни единый нерв не дрогнул. Он видел, как олени медленно приближаются по тропе, ничего не подозревая, потому что ветер дул с их стороны. Он видел, как мимо прошел самец – старый самец, после него с великаном, затаившимся в засаде, поравнялся молодой и упитанный, и глаза Шнайдера широко распахнулись, а изо рта едва не вырвался испуганный вопль, когда он увидел, как проворное существо рядом с ним прыгнуло, целясь прямо в горло моло-

дого оленя, и услышал, как с человеческих губ сорвался охотничий клич дикого зверя. Олень с Тарзаном упали, и его пленитель добыл мяса. Человек-обезьяна съел его сырым, но позволил немцу развести костер и поджарить свою порцию.

Оба они отдыхали почти до самого вечера, после чего снова пустились в путь – путь, настолько ужасный для Шнайдера, не подозревавшего о его цели, что время от времени он валился в ноги Тарзану, умоляя сжалиться и хоть что-нибудь объяснить, но каждый раз человек-обезьяна молча шагал дальше, подгоняя незадачливого пруссака копьем, когда тот оступался.

Лишь к полудню третьего дня они достигли цели пути. После крутого подъема и короткого перехода они остановились на краю отвесной скалы, и Шнайдер заглянул в узкую лощину, где рядом с тоненьким ручейком росло одинокое дерево и клочки травы пробивались из усеянной камнями почвы. Тарзан жестом велел ему спускаться, но немец попятился в ужасе. Человек-обезьяна схватил его и грубо подтолкнул к краю.

– Спускайся, – приказал он.

Второй раз за три дня он заговорил, и, наверное, это молчание, зловещее само по себе, порождало в груди боша куда больший страх, чем даже наконецник копья, неизменно готовый уколоть.

Шнайдер в испуге глядел за край скалы, но уже был готов попытаться сойти, когда Тарзан остановил его.

– Я лорд Грейсток, – произнес он. – Это мою жену ты убил в стране вазири. Теперь ты понимаешь, почему я пришел за тобой. Спускайся!

Немец упал на колени.

– Я не убивал вашей жены! – возопил он. – Сжальтесь! Я не убивал вашей жены. И я ничего не знаю о...

– Спускайся! – отрезал Тарзан, поднимая копье.

Он знал, что этот человек солгал, и вовсе не удивился этому. Человек, который убивает без причины, и солжет запросто. Шнайдер все еще колебался и умолял. Человек-обезьяна подтолкнул его копьем, Шнайдер опасно соскользнул с края скалы и принялся спускаться. Тарзан сопровождал его, помогая в самых трудных местах, пока наконец до дна не осталось всего несколько футов.

– Теперь тихо, – предупредил человек-обезьяна. Он указал на вход в какую-то пещеру в дальнем конце лощины. – Там голодный лев. Если сможешь добежать до дерева, пока он тебя не почуял, у тебя будет еще несколько дней, чтобы насладиться жизнью, а потом – когда ты слишком ослабеешь, чтобы и дальше цепляться за ветки, – Нума, людоед, пообедает в последний раз. – Он толкнул Шнайдера с каменного уступа на землю вниз. – А теперь беги! – сказал он.

Немец, трясаясь от страха, рванул к дереву. Он был уже совсем близко, когда жуткий рев раздался из зева пещеры, и почти в тот же миг исхудающий, одичавший от голода лев выскочил на дневной свет лощины. Шнайдеру оставалось преодолеть всего несколько ярдов, однако лев уже несся ему наперерез, пока Тарзан наблюдал за гонками с легкой усмешкой на губах.

Шнайдер выиграл, оторвавшись на волосок, и, когда Тарзан поднимался к вершине скалы, он слышал за спиной смешивавшийся с недоуменным рычанием льва бормочущий человеческий голос, который почему-то казался еще более звериным, чем у зверя.

На краю скалы человек-обезьяна обернулся и поглядел вниз, в лощину. Немец распластался на ветке на верхушке дерева, вцепившись в нее мертвой хваткой. Под ним стоял Нума – ждал.

Человек-обезьяна поднял лицо к Куду, солнцу, и из его широченной груди вырвался вопль самца обезьяны, торжествующего победу.

Глава 3

В немецких окопах

Тарзан пока еще не отомстил в полной мере. Много миллионов немцев были по-прежнему живы – достаточно, чтобы Тарзану было чем заняться в жизни, но все же недостаточно, даже если он убьет всех, чтобы возместить великую потерю, мучившую его, ведь гибель всех этих миллионов немцев не могла вернуть ему любимую.

В немецком лагере под горами Паре, чуть восточнее границы между Германской и Британской Восточными Африками, Тарзан услышал достаточно, чтобы понять: британцы переживают в Африке тяжелые времена. Сначала он как-то не придавал этому значения, поскольку после гибели жены, единственной крепкой нити, связывавшей его с цивилизацией, он отринул от себя все человечество, считая себя отныне не человеком, а обезьяной.

Расквитавшись со Шнайдером настолько, насколько это было в его силах, он обогнул Килиманджаро и отправился охотиться у северной оконечности этой самой величественной из гор, поскольку, как он смог выяснить, по соседству с армиями дичи не осталось вовсе. Время от времени он испытывал некоторое удовольствие, мысленно рисуя себе картины, как немец сидит в ветвях одинокого дерева на дне лощины с высокими стенами и его охраняет голодный лев. Он представлял себе душевные терзания человека, который слабеет от голода и сходит с ума от жажды, сознавая, что рано или поздно обессилеет и соскользнет на землю, где его поджидает отощавший людоед. Тарзан размышлял, хватит ли Шнайдеру храбрости, чтобы спуститься к ручейку за водой, если Нума вдруг вернется из лощины в пещеру, а затем представлял себе новую бешеную гонку к дереву, когда лев выскочит, чтобы схватить добычу, а он обязательно выскочит, потому что неуклюжий немец не сможет дойти до ручья, не издав какой-нибудь шум, который непременно привлечет внимание Нумы.

Но даже это удовольствие приелось, и все чаще и чаще человек-обезьяна ловил себя на мысли о том, что английские солдаты сражаются с превосходящими силами, но хуже всего то, что превосходят их немцы. При этой мысли он опускал голову и рычал, эта мысль понастоящему терзала его, наверное, поскольку ему было трудно забыть, что он англичанин, хотя он и хотел быть только обезьяной. И наконец настал момент, когда мысль, что немцы убивают англичан, пока он спокойно охотится в каком-то дне пути от них, стала невыносимой.

Приняв решение, Тарзан отправился в сторону немецкого лагеря, не вполне определившись с дальнейшими планами, зато захваченный общей идеей, что рядом с полем битвы, наверное, представится возможность как следует подразнить немецкое командование – уж в этом-то он был мастер. Путь проходил по ущелью рядом с лощиной, где он оставил Шнайдера, и, поддавшись естественному любопытству, он поднялся на скалу и спустился к краю лощины. На дереве никого не было, не было видно и Нумы-льва. Взяв камень, он метнул его в лощину, и тот докатился до самого входа в пещеру. Лев моментально появился в зеве пещеры, но как же этот лев отличался от того великолепного лоснящегося зверя, которого Тарзан заточил здесь две недели назад. Теперь он был настолько отощавший и изнуренный, что даже пошатывался при ходьбе.

– Где немец? – крикнул Тарзан. – Он оказался хорошей едой или всего лишь мешком с костями, когда свалился с дерева?

Нума заворчал.

– Похоже, ты проголодался, Нума, – продолжал человек-обезьяна. – Должно быть, ты здорово проголодался, раз уж съел всю траву в своем логове и даже обглодал кору с дерева там, куда смог дотянуться. Хочешь еще немца? – И он, улыбнувшись, пошел прочь.

Спустя несколько минут он неожиданно натолкнулся на Бару-оленья, спавшего под деревом, и, поскольку Тарзан и сам проголодался, он быстро убил добычу и опустился рядом на

корточки, собираясь наесться досыта. Когда он сдирал последний кусочек мяса с кости, его чуткие уши уловили за спиной звук крадущихся шагов, и, обернувшись, он увидел перед собой Данго, самца гиены, подбиравшегося к нему. Человек-обезьяна с рычанием схватил сломанную ветку и замахнулся на замершего зверя.

– Прочь, любитель падали! – крикнул он.

Но Данго, крупный и сильный, был голоден, он лишь оскалился и принялся неспешно кружить рядом, словно выжидая возможности напасть. Тарзан из племени обезьян знал Данго даже лучше, чем Данго знал самого себя. Он знал, что этот зверь, доведенный голодом до бешенства, собирается с духом для атаки, что он, вероятнее всего, привык к людям и потому не особенно боится его, и Тарзан вынул из петли тяжелое копьё, положив рядом, а сам продолжал насыщаться, не спуская при этом внимательного взгляда с гиены.

Страх он не испытывал – давным-давно знакомый с опасностями своего дикого мира, он настолько свыкся с ними, что принимал как часть повседневного существования, как вы принимаете обыденные, хотя от этого не менее реальные опасности фермы, ранчо или запруженного народом метрополитена. Воспитанный в джунглях, он был готов защищать свою добычу от всех желающих, проявляя при этом должную осторожность. При удачном стечении обстоятельств Тарзан дал бы отпор даже самому Нуме, но, если бы ему пришлось спасаться бегством, он сделал бы это, не испытывая ни малейшего стыда. В этих диких лесах не было создания храбрее и в то же время мудрее его – и эти два качества позволяли ему выживать.

Данго напал бы раньше, если бы не яростное рычание человека-обезьяны – рычание, срывавшееся с губ человека, порождало недоумение и страх в сердце гиены. Данго доводилось нападать на женщин и детей местных жителей, когда те работали в полях, и пугать их мужчин у костров по ночам, однако никогда еще он не встречал существа, которое выглядело бы как человек, но издавало бы звуки, напоминавшие скорее разгневанного Нуму, чем испуганного человека.

Покончив с едой, Тарзан уже собирался подняться и запустить в гиену обглоданной костью, прежде чем двинуться дальше, оставив Данго все недоеденное, однако его остановила внезапная мысль, и вместо того он подхватил тушу оленя и перебросил на плечо, направившись в сторону лощины. Несколько ярдов Данго следовал за ним, глухо ворча, но затем понял, что его попросту ограбили, лишили такого сладкого мяса, и он, позабыв о всякой осторожности, набросился. В тот же миг, словно Природа даровала ему глаза на затылке, Тарзан ощутил грядущую угрозу и, выронив тело Бары на землю, развернулся с копьём наготове. Загорелая правая рука ушла далеко назад, а затем метнулась вперед со скоростью молнии, усиленной огромными мускулами и весом плоти и костей. Копьё, выпущенное в нужный момент, угодило прямо в Данго, вонзилось ему в шею в том месте, где она соединяется с плечами, и прошло тело насквозь.

Выдернув древко копьё из тела гиены, Тарзан взвалил на себя обе туши и пошел дальше, возвращаясь к лощине. Нума лежал внизу, в тени одинокого дерева, он медленно поднялся, услышав окрик человека-обезьяны, и, несмотря на слабость, все равно гневно зарычал, даже заревел при виде своего врага. Тарзан перебросил обе туши через край скалы.

– Ешь, Нума! – крикнул он. – Может быть, ты мне еще понадобишься.

Он посмотрел, как лев, оживившийся при виде пищи, набросился на тушу оленя, после чего ушел, оставив того рвать и терзать плоть, забрасывая в пустое брюхо огромные куски.

На следующий день Тарзан увидел вдалеке позиции немцев. С поросшего лесом горного отрога он оглядел сверху левый фланг врага и позиции британцев за ним. Его наблюдательный пункт позволял ему оценить поле битвы с высоты птичьего полета, и его острые глаза подметили множество деталей, которые прошли бы мимо человека, чьи органы чувств не были натренированы и доведены до совершенства, как у человека-обезьяны. Он заметил огневые точки с

пулеметами, хитроумно замаскированные от британцев, и посты подслушивания, вынесенные далеко на нейтральную полосу между траншеями.

Пока его внимательный взгляд перемещался из стороны в сторону, от одной точки к другой, он услышал со склона холма под собой одиночный винтовочный выстрел, заглушивший рокот пушек и треск ружейного огня. Мгновенно его внимание было сосредоточено на этом месте, где, как он понял, должен находиться снайпер. Он терпеливо дожидался следующего выстрела, чтобы точнее определить положение стрелка, а когда дождался, то двинулся вниз по крутому склону, беззвучный и незаметный, словно леопард. Совершенно очевидно, что он не знал местности, по которой ступает, и все же ни единый камешек не скатился, ни единая веточка не хрустнула – у него как будто были глаза на ступнях.

Наконец, миновав заросли кустов, он добрался до края невысокого утеса и увидел на каменном уступе футах в пятнадцати ниже немецкого солдата, лежавшего на животе за насыпью из камней и облиственных веток, скрывавшей его от британцев в окопах. Должно быть, стрелок был отменный, поскольку он выбрал себе цель далеко позади немецких позиций и стрелял поверх голов своих товарищей. Его дальнобойная винтовка была оснащена оптическим прицелом, а еще у него имелся бинокль, и, когда Тарзан обнаружил его, он как раз смотрел в окуляры, либо пытаясь понять, удачным ли был последний выстрел, либо выбирая новую мишень. Тарзан позволил себе быстро окинуть взглядом ту часть британских позиций, которую, судя по всему, изучал немец, и его острые глаза обнаружили множество отличных целей для винтовки, размещенной на такой высоте над траншеями.

Пруссак, явно удовлетворенный результатом осмотра, отложил бинокль в сторонку и снова взялся за винтовку, прижав приклад к плечу и старательно целясь. И в то же мгновение смуглое тело устремилось к нему с вершины утеса. Не раздалось ни звука, и немец вряд ли успел понять, что за существо тяжело навалилось ему на спину, потому что в миг столкновения мощные пальцы человека-обезьяны обхватили небритую шею боша. Мгновение снайпер тщетно сопротивлялся, а потом внезапно понял, что это конец, – и был мертв.

Лежа за кучей камней и веток, Тарзан изучал происходившее внизу. Совсем близко располагались окопы немцев. Он видел, как по ним передвигаются офицеры и солдаты, а почти прямо под ним стоял отлично замаскированный пулемет, поливавший свинцом нейтральную полосу, где местность понижалась под таким углом, что пули до британцев доставали, а вот им было почти невозможно понять, где находится огневая точка.

Тарзан наблюдал, лениво поигрывая винтовкой мертвого немца. Наконец он принялся изучать устройство оружия. Снова бросил взгляд на немецкие позиции, поправил оптический прицел, затем прижал винтовку к плечу и прицелился. Тарзан был непревзойденным стрелком. Со своими цивилизованными друзьями он охотился на крупную дичь с цивилизованным оружием и, хотя убивал только ради пищи или из самозащиты, часто развлекался стрельбой по неодушевленным движущимся мишеням, достигнув совершенного владения огнестрельным оружием, о чем сам даже не догадывался. И вот теперь он охотился на поистине крупную дичь. Улыбка медленно растянула его губы, и пальцы медленно потянулись к спусковому крючку. Винтовка сказала свое слово, и немецкий пулеметчик упал позади своего орудия. Через три минуты Тарзан снял весь пулеметный расчет. Затем уничтожил немецкого офицера, высунувшегося из блиндажа, за ним последовали еще трое. Тарзан старался не оставлять никого в непосредственной близости от павших, чтобы никому было задаться вопросом, как это немцы гибнут в немецких окопах, когда они полностью скрыты от взгляда врагов.

Снова подправив оптический прицел, он выбрал дальнюю цель – пулеметный расчет на приличном расстоянии справа. Со спокойной решимостью он перебил всех до единого. Уже два пулемета замолкли. Он видел, как солдаты забегали по траншеям, и снял еще нескольких. К этому моменту немцы почуяли что-то неладное: какой-то необычайно хитроумный снайпер нашел выгодную позицию, откуда отлично просматривается эта часть их позиций. Поначалу

они пытались обнаружить его на нейтральной полосе, однако, когда офицеру, глядевшему за бруствер в перископ, винтовочная пуля вошла в затылок и выпала на дно траншеи, они сообщили, что искать надо не за бруствером впереди, а за позициями в тылу.

Один из солдат поднял пулю, убившую офицера, и вот тогда эту часть траншей охватило настоящее волнение, потому что пуля оказалась явно германского производства. Перебравшись через тыльный бруствер, гонцы понесли сообщения в разные концы позиций, и тут же над брустверами поднялись перископы, и опытные глаза принялись высматривать предателя. Потребовалось совсем немного времени, чтобы обнаружить позицию замаскированного снайпера, и Тарзан увидел, как в его сторону разворачивается пулемет. Но прежде чем он заработал, его расчет упал мертвым рядом с ним; однако оставались другие, способные занять их места, пусть и неохотно: подгоняемые офицерами, они подошли, и в то же время два других пулемета начали разворачивать в сторону человека-обезьяны.

Понимая, что игру пора заканчивать, Тарзан сделал прощальный выстрел, положил винтовку и растворился в холмах позади. Еще много минут он слышал треск пулеметного огня, сосредоточенного на одной цели – месте, которое он только что покинул, и он улыбался, оценивая напрасную трату немецких боеприпасов.

– Они дорого заплатили за Васимбу из племени вазири, которого распяли, и за всех его погибших товарищей, – рассудил он, – но за Джейн они не заплатили ничего – нет, только если я не перебую их всех.

В тот же вечер, с наступлением темноты, он обогнул фланги обеих армий, прошел мимо британских постов и оказался на британских позициях. Никто не увидел его. Никто не узнал, что он здесь.

Штаб Второго родезийского полка находился на защищенных позициях достаточно далеко от окопов и потому был относительно надежно прикрыт от вражеского наблюдения. Здесь даже разрешалось разводить костры, и полковник Кэпелл сидел за походным столом, разложив на нем военную карту, и беседовал с несколькими своими офицерами. Над ними раскинулось большое дерево, на столе тускло мерцал фонарь, а рядом на земле горел небольшой костер. У врага не было самолетов, а иначе увидеть свет с немецких позиций было невозможно.

Офицеры говорили о превосходящих силах противника и о том, что британцы способны лишь удерживать нынешние позиции, но не более того. Перейти в наступление они не могут. Они и без того несли серьезные потери при каждой атаке и уже были отброшены назад превосходящими силами противника. А еще полковника сильно беспокоили замаскированные пулеметы. Это можно было легко понять по тому, как часто он возвращался к ним в разговоре.

– Сегодня днем что-то заставило их замолчать, – сообщил один из молодых офицеров. – Я как раз вел наблюдение на позициях, но так и не смог понять, что же вызвало там смятение, однако им пришлось чертовски нелегко на отрезке траншей слева. В какой-то момент я был готов поклясться, что на них напали с тыла – я докладывал вам об этом, сэр, как вы помните, – потому что негодяи рассыпались по сторонам словно горох, спасаясь от чего-то у них за спиной. Я видел, как взлетала земля. Не представляю, что бы это могло быть.

В ветвях дерева над ними мягко зашуршало, и в тот же миг к ним спрыгнуло гибкое загорелое тело. Все руки моментально метнулись к рукояткам пистолетов, но больше никакого движения среди офицеров не возникло. Сначала они с изумлением уставились на почти голого белого человека в свете костра, отблески которого играли на его бугрившихся мышцах, на почти первобытном одеянии и на таком же первобытном оружии, а затем все глаза устремились на полковника.

– Да кто вы такой, сэр, черт побери? – потребовал ответа офицер.

– Тарзан из племени обезьян, – ответил незнакомец.

– О, да это же Грейсток! – воскликнул майор, выходя вперед с протянутой для рукопожатия ладонью.

– Пресвик, – отозвался Тарзан, пожимая протянутую руку.

– Я поначалу не узнал вас, – извинился майор. – Последний раз, когда я видел вас в Лондоне, вы были в вечернем костюме. Большая разница, честное слово, старина, вы должны понять.

Тарзан с улыбкой обернулся к полковнику.

– Я подслушал ваш разговор, – признался он. – Я только что с немецких позиций. Вероятно, я смогу вам помочь.

Полковник вопросительно поглядел на майора Пресвика, который не ударил в грязь лицом, тут же представив человека-обезьяну старшим офицерам и товарищам. Тарзан вкратце рассказал им о том, что вынудило его в одиночку преследовать немцев.

– И теперь вы решили присоединиться к нам? – уточнил полковник.

Тарзан покачал головой.

– Не на постоянной основе, – ответил он. – Я должен сражаться по-своему, но я могу помогать. Я могу заходить в немецкие окопы, когда пожелаю.

Кэпелл улыбнулся и покачал головой.

– Это не так просто, как вам кажется, – возразил он, – я потерял двух отличных офицеров за последнюю неделю, пытаясь это сделать, а они были очень опытные военные, лучшие в управлении разведки.

– Разве это сложнее, чем оказаться на британских позициях? – уточнил Тарзан.

Полковник уже хотел ответить, когда его осенила какая-то свежая мысль, и он вопросительно взглянул на человека-обезьяну.

– А кто привел вас сюда? – спросил он. – Кто провел через посты?

– Я просто прошел через германские позиции и ваши, а потом – через ваш лагерь, – ответил Тарзан. – Пошлите кого-нибудь узнать, видели ли меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.